

КОРЕЙЦЫ СНГ: ОТ ОБЩЕЙ ИСТОРИИ К ЕДИНОМУ ЭТНОКУЛЬТУРНОМУ СООБЩЕСТВУ ЕВРАЗИЙСКИХ КОРЕЙЦЕВ

М.Д. Тен

Новосибирский государственный
технический университет,
Новосибирск, Россия

ten-md@mail.ru

История корейцев, проживающих в странах Содружества Независимых Государств, несомненно показывает единство закономерных процессов трансформации их культуры в разные периоды их проживания в Российской империи, в Советском Союзе и сегодня на постсоветском пространстве. Автор выделяет три основных этапа в истории корейцев СНГ в соответствии с основными ареалами их проживания. Современный этап характеризуется окончательным формированием евразийской общности корейцев, разбросанных по всему пространству СНГ, но сохраняющих единые культурные маркеры, а также общую историческую память. В статье рассматривается процесс трансформации культуры корейцев СНГ, влияние важных исторических событий на утрату элементов их традиционной культуры. Сегодня в контексте евразийских реинтеграционных процессов на постсоветском пространстве становится актуальной выработка новой концепции наднациональной идентичности, которая сумела бы в полной мере отразить современные процессы. Корейцы СНГ являются примером формирования новой наднациональной евразийской идентичности.

Ключевые слова: корейцы СНГ, евразийская идентичность, история диаспоры, трансформация культуры, язык.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-1.2-35-50

Евразия – это не просто самая большая часть суши, это особое пространство, где тысячелетиями происходят важные социокультурные процессы глобального масштаба. Исторически так сложилось, что именно здесь постоянно взаимодействовали культуры Востока и Запада, складывались огромные империи, встречались народы «степи» и «леса». В течение последних веков объединительным центром, вокруг которого сложился новый конгломерат народов Евразии, стала Россия. Россия является центром континента Евразии, связывающим воедино культуры разных цивилизаций, находящихся с разных сторон на периферии.

При этом сама Россия является, по сути, отдельным миром, государством-цивилизацией. Этот факт определяет свои особенности в культурно-историческом развитии России. Наша страна прошла несколько этапов, которые характеризовались разного рода геополитическими потрясениями, войнами, смутными временами, революциями и т. д. И каждый раз в истории Российского государства процессы дезинтеграции сменялись реинтеграционными процессами.

Распад СССР ознаменовал очередной период дезинтеграции страны. При этом русский народ стал самым большим разделенным народом в мире. Эти негативные

процессы усугубились многими конфликтами на постсоветском пространстве. В связи с этим для решения назревших социальных, экономических и политических проблем в странах СНГ стало необходимо объединить усилия всех стран и встать на путь более глубокой кооперации и сотрудничества. Таким образом, был проложен путь к новой интеграции в рамках теперь уже Евразийского союза.

В ходе создания Евразийского союза становится актуальным формирование новой евразийской наднациональной идентичности, которая позволила бы преодолеть негативные последствия крушения советской идеологии и образования духовного вакуума. После распада СССР взамен советской надкультурной идентичности была попытка создать идентичность российскую. Однако до настоящего времени идентичность «россиянин» так и не стала преобладающей в сознании граждан России, а за пределами страны мы все, по сути, и так являемся русскими вне зависимости от нашей этнической принадлежности.

Провал идеи новой российской идентичности проявился и в резко возросшем национализме, который в период 1990-х – начале 2000-х гг. приобрел большой размах. К сожалению, эта проблема не решена и поныне. Для предотвращения скатывания общества в бездну межнациональных конфликтов необходимо сформировать такую наднациональную идею, которая сумела бы «зацементировать» фундамент Евразийского объединения, сплотить общество как единое целое. В этой связи нам важно изучить конкретный опыт, на основе которого мы смогли бы сформулировать основные постулаты концепции новой евразийской наднациональной идентичности. Од-

ним из примеров успешного опыта формирования евразийской идентичности можно назвать корейцев СНГ.

Культура корейцев СНГ вобрала в себя элементы культур разных народов, рядом с которыми они проживали. В качестве исходного культурного базиса можно назвать их традиционную культурную идентичность, которая формировалась в Корее многие века, вплоть до второй половины XIX в., когда первая небольшая группа корейцев пересекла русско-корейскую границу и оказалась в Приморье. Первое официальное сообщение о переселении корейцев в Россию относится к 30 ноября 1863 г., когда поручик Резанов в рапорте военному губернатору Приморской области передавал, что несколько корейцев обратились к нему с просьбой разрешить им в числе двадцати семей поселиться в Южно-Уссурийском крае. Эта просьба была удовлетворена [21, с. 19].

К настоящему времени от исходного культурного базиса корейцев СНГ практически ничего не осталось, хотя корейцы СНГ продолжают считать себя именно корейцами. Исходная традиционная корейская идентичность сменилась на смешанную, важнейшую часть которой несомненно составляют элементы русской культуры, и прежде всего русский язык – главный язык повседневного общения корейцев СНГ.

При этом было бы ошибочным полагать, что корейцы стали русскими, сохранив лишь азиатский облик и ряд некоторых малозначительных признаков. Ведь помимо облика корейцы СНГ сохранили и специфические черты национального корейского характера, перешедшие к ним от предков. Преимущество поколений способствовала сохранению у корейцев таких

качеств, как склонность к ведению бизнеса, способность к торговле, стремление к образованию (в 1989 г. доля лиц с высшим образованием среди корейцев была в два раза выше, чем в среднем по СССР [17, с. 516]) и др.

С момента переселения в пределы России начинается формирование новой идентичности корейцев, ставших с того момента частью нового мира, нового культурного, экономического, политического пространства.

Историю корейцев СНГ и формирования их евразийской идентичности можно условно разделить на несколько периодов. Первый исторический период развития корейцев СНГ можно назвать «дальневосточным», так как основная масса российских корейцев в тот период проживала именно на Дальнем Востоке России. В это время корейцы начинали постепенно адаптироваться в новом иноэтническом окружении, в ходе чего стала трансформироваться их прежняя этнокультурная идентичность, многие века формировавшаяся в русле корейской истории и корейской государственности. Однако изменения эти происходили крайне неравномерно.

По характеру расселения корейцев на территории Дальневосточного края (ДВК) можно было выделить этноконтактные этнические зоны, где происходило активное взаимодействие с русским населением, а также изолированные. В пределах границ изолированных этнических зон взаимодействие с русским населением края было несущественным. Ярким примером изолированной этнической зоны корейцев в Дальневосточном крае являлся Посыетский участок Приморья, расположенный на юге и граничивший непосредственно с Кореей. «В Посыетском районе

удельный вес корейцев превышал 96 процентов» [21, с. 21].

Иноэтническое окружение русского Дальнего Востока, а также новое правовое, политическое и социально-экономическое пространство в конечном итоге обусловили изменения во всех сферах жизни корейских поселенцев. Речь идет как о последствиях естественных взаимодействий в этноконтактных зонах, так и о собственной мотивации корейцев к скорейшей интеграции в российское общество, к принятию православной религии, правда, зачастую лишь с целью получения российского подданства [4, с. 19].

Деятели духовенства, чиновники, и просто меценаты оказывали всестороннюю помощь в распространении православия среди иноязычных переселенцев. Однако переход к новой религии не означал отказа от прежней системы религиозных ценностей. Как пишет Т.В. Волкова, «В семейно-бытовой сфере корейцы продолжали придерживаться этики конфуцианства и обрядовой практики, в основе которой лежали традиционные верования» [5, с. 33].

В 1910 г. Корея была аннексирована Японией, что увеличило поток корейских переселенцев в Российскую империю. В России корейцы имели возможность открыто проявлять свою гражданскую позицию, участвуя в антияпонском движении. В Приморье создавались вооруженные отряды «Ыйбён», действовали корейские общественные организации, как, например «Кукминхве» и «Квонопхе», ставшие важными центрами антияпонского движения на русском Дальнем Востоке. Участие российских корейцев в антияпонском движении в дальнейшем способствовало их вовлечению в общественно-политическую жизнь России на стороне большевиков.

Во время Гражданской войны произошло соединение интересов красных партизанских отрядов и корейского партизанского движения. Помимо не разгромленных в 1919 г. частей белого движения и националистических режимов Красной армии, на Дальнем Востоке России противостояла и 175-тысячная армия японских интервентов, воевавшая на стороне белого движения. Японские интервенты были общими врагами и для корейцев, и для советской власти. Как пишет В.Ф. Ли, для корейских партизан в Приморье это было продолжением борьбы со старым противником [16].

Переломным событием «дальневосточного» периода истории корейской диаспоры в России стала Октябрьская революция 1917 г. Новый советский общественный уклад ускорил изменение коренных основ корейской традиционной культуры. В частности, усилилась трансформация гендерных взаимоотношений. В патриархальной корейской семье права мужчины были безграничны, а обязанности жены сводились к беспрекословной покорности [25, с. 324]. Советская власть боролась с этими «пережитками прошлого», стремясь к уравнению женщин в правах с мужчинами, например, предоставляя им равный доступ к образованию. В общественно-политической жизни из числа советских корейцев появлялись женщины-лидеры. Известной была активистка революционного движения А.П. Ким-Станкевич.

В период ранней советизации произошла атеизация корейцев. Переход от православия к советской идеологии стал важным фактором в упрощении традиционной культуры корейцев. Религия перестала играть особую роль, в структуре общественных отношений стала преобладать советская этика. Идеология, являясь глав-

ным инструментом политической власти в стране, проникла во все сферы общественной жизни.

В 1923 г. была закрыта советско-корейская граница, вследствие чего советские корейцы потеряли возможность для контактов с Кореей. С этого времени развитие культуры корейцев на Дальнем Востоке России проходило изолированно от исторической родины. Однако в период до 1937 г. советская власть предоставляла широкие права нацменьшинствам в сфере культуры и образования на родном языке. Вплоть до переселения «в Приморье продолжали работать (помимо корейских национальных школ) корейское педагогическое училище, педагогический институт, корейский драматический театр, продолжали выходить словари и учебники корейского языка, газеты, журналы, произведения корейских писателей» [2, с. 24].

Завершение первого исторического периода истории развития российских/советских корейцев было ознаменовано их депортацией из Дальнего Востока России в Среднюю Азию осенью 1937 г. Это решение было закреплено Постановлением № 1428-326сс СНК ССР и ЦК ВКП(б) «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края» в целях «пресечения проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край» от 21 августа 1937 года [2, с. 64].

В обстановке возможного нападения на СССР как со стороны Германии, так и со стороны Японии Сталин хотел максимально обезопаситься прежде всего в приграничных районах. В определенный момент угроза нападения со стороны Японии определила приоритеты в предвоенной стратегии ликвидации угроз на советском Дальнем Востоке.

Решение о срочном переселении многие корейцы приняли неоднозначно. По воспоминаниям ветерана войны и труда Тянь Хак Пома, на собрании жителей в городе Хабаровске незадолго до переселения, 20 сентября 1937 г., «выступавшие высказывались против постановления (о переселении), говорили, что оно принято вопреки ленинскому принципу национальной политики, что это ущемляет интересы и права нации» [15, с. 23].

Идеологизированность корейцев проявилась в том, что, несмотря на решение о переселении, фигура вождя народов по-прежнему продолжала оставаться эталоном высшей справедливости. Переживший депортацию Ма Ген Тхя вспоминал: «...мы, несмотря на последовавшие вскоре репрессии, унижительное переселение и не менее унижительные ограничения после переселения, не винили Сталина. Винили его подручных, винили местные власти. Мол, они довели до вождя неверную информацию о корейцах» [8, с. 22].

Депортация была осуществлена за относительно короткий срок, что повлекло за собой массу ошибок и недочетов, таких как плохое медицинское обслуживание, нехватка жилья. Что касается людских потерь среди переселенцев, разные ученые приводят разные данные. Всего из ДВК было депортировано около 170 тысяч корейцев. Южнокорейский ученый Бэ Ын Гиенг считает, что потери составили 22 261 чел. В своих подсчетах он опирается на данные переписей населения [3, с. 196]. Примерно те же цифры приводит Г.Н. Ким – 23 277 чел. [10, с. 200] по данным переписей 1939 и 1959 гг.

Эшелоны из ДВК стали прибывать в Казахстан и Узбекистан в конце сентября 1937 г. (первый эшелон с корейскими

переселенцами прибыл в Ташкент 30 сентября 1937 г. [9, с. 15]). Решения властей закрепили переселенцев на месте их поселения, что в дальнейшем сохраняло компактность их проживания. После переселения в Среднюю Азию в истории корейцев начинается новый исторический цикл, который можно условно назвать «среднеазиатским», потому что в течение этого периода советские корейцы преимущественно пребывали в этом регионе.

Стоит отметить, что корейские переселенцы и в республиках Средней Азии расселялись довольно компактно. Здесь были образованы хозяйства с высоким удельным весом корейского населения. В последующие годы эти колхозы называли корейскими. Компактность проживания в этих колхозах позволяла сохранять важные элементы традиционной культуры, и прежде всего корейский язык.

С другой стороны, изменение территории проживания означало изменение этнокультурной среды, что характеризовалось сменой полиэтнического окружения. Если на Дальнем Востоке преобладало русское население, то в Средней Азии по численному составу преобладали местные национальности. Если в ДВК основное влияние на корейцев оказывала русская культура, то после переселения на территорию Узбекистана и Казахстана большое влияние на корейцев стала оказывать узбекская и казахская культурная среда.

Переселенческая политика руководства страны способствовала углублению взаимодействия корейцев с местным населением. Корейских переселенцев расселяли либо в созданные новые колхозы, либо подсаляли в уже существующие [15, с. 170]. В смешанных по национальному составу колхозах корейцы тесно контактировали

с местным населением. Социальная адаптация в местной среде происходила в целом успешно. Этому способствовали такие факторы, как близость культур корейцев и местных народов, схожесть внутрисемейных отношений, типов семьи, отношения к старшим.

Вот что вспоминал один из переселенцев: «Они (узбеки) неплохо относились. Друг друга просто не понимали, да, но не враждебно. Просто они тоже нас изучали, конечно. Но потихоньку... они очень дружелюбно стали относиться. Иногда, когда немножко было нам плохо, они лепешку приносили» [19].

Другим важным фактором сближения культур местных народов и корейцев был труд. Работая бок о бок с местным населением на полях, корейцы снискали себе заслуженное уважение, что стало важным элементом их социальной адаптации. Активный труд на земле сблизил корейцев с узбекскими и казахскими колхозниками. Трудолюбие корейцев, отмеченное еще на Дальнем Востоке, позволило переселенцам успешно войти в новое социальное окружение.

Еще одним важным фактором сближения с местным населением были определенные качества характера корейцев. В экстремальных условиях переселения многие из них вынуждены были полагаться только на себя. Индивидуальная адаптация обусловила развитие в них качеств, которые были необходимы для выживания. В частности, им приходилось быть жестче в решении поставленных задач.

В Средней Азии рацион корейцев значительно расширился в результате повседневного общения с соседними народами, хотя корейская пища преобладала. В тот период основным блюдом корейцев оста-

вался сваренный без соли рис – *пип*, который ели три раза в день. Обычной приправой к рису служил *чан* – кашцеобразное блюдо из сои или *канчан* – жидкая соя. Широко были распространены *чимчи* (острая квашеная капуста). В отличие от многих народов Средней Азии корейцы широко употребляли в пищу свинину. Большой любовью пользовалась *кукси* – лапша в бульоне с различными овощами и мясом.

Из нововведений в рационе можно отметить печеный хлеб, молочные продукты, масло, которые в прошлом отсутствовали в питании корейцев. Под влиянием местных культур корейцы стали пить много чая. Влияние природно-климатических условий, а также строительство домов еще на Дальнем Востоке по русскому образцу лишило корейское жилище традиционного облика.

В первое же время корейцы строили обычные землянки. Отсутствие в Средней Азии леса привело к изменению характера использования строительных материалов корейцами: вместо дерева они стали использовать кирпич или глину. С развитием и подъемом корейских колхозов жилье стало строиться преимущественно из кирпича, крыши покрывались шифером. Все корейские колхозы строились согласно единым утвержденным планировкам.

Что касается одежды корейцев, то она наименее всего подверглась среднеазиатскому влиянию. Корейцы не переняли узбекскую национальную одежду, предпочитая либо национальную корейскую (в основном по праздникам), либо обычную русскую или европеизированную одежду, на которую перешли еще на Дальнем Востоке.

После смерти Сталина в 1953 г. последовал период, известный как «хрущевская

оттепель». В отношении корейцев были отменены ранее действовавшие запреты на передвижение по стране. Корейцы начали покидать колхозы и мигрировать как в пределах среднеазиатских республик, так и в другие регионы СССР, хотя при этом основная масса советских корейцев продолжала сохраняться в пределах среднеазиатского региона.

Постепенно в среде корейцев в корейской традиционной форме имени стала преобладать русская форма имени. Русское имя является важным приобретенным маркером новой идентичности советских корейцев. Сильное распространение русского имени происходит примерно с 1930-х гг. Русская форма имени как информационный маркер позволяла корейцам считать себя частью советского общества. Начиная с 1930–1940-х гг. европеизированные имена закрепляются уже в официальных документах корейцев. Употреблялись как привычные «христианские» имена (Александр, Николай, Анна, Мария и др.), так и «революционные», появившиеся в советское время (например, Лемир, Мэлс, Фурман, Чапай, Люция, Рева) [12]. Использование идеологически окрашенных советских имен является важным индикатором лояльности корейцев к советской политической системе.

27 июня 1968 г. были приняты «Основы законодательства СССР о браке и семье», которые закрепили общегосударственную обязательность трехчленного наименования для всего населения страны [22, с. 293]. Власти унифицировали имена советских граждан, тем самым стандартизировав и имена советских корейцев. Но еще до принятия данного закона у корейцев, проживающих в сельской местности, антропонимическая модель уже утвердилась в форме,

состоявшей из фамилии, имени и отчества (например, Ким Александр Геннадьевич, Хегай Марина Юрьевна, Югай Константин Афанасьевич, Хван Светлана Ивановна) [20, с. 60]. Об этом подробно пишет Р.Ш. Джарыгасинова, ссылаясь на данные «Записей актов о рождении».

Можно говорить о том, что к 1970-м гг. произошел полный переход от корейской формы имени к русской форме. Корейцы называли своих детей только русскими или европейскими именами. Это было обусловлено совокупностью факторов, самым значительным из которых был переход на русский язык в качестве основного. Этому способствовали миграция корейцев за пределы республик Средней Азии и урбанизация.

После отмены официальных ограничений произошло послабление и в отношении национального языка корейцев. В школах сельских местностей, где оставалось компактное корейское население, в 1950-е гг. было введено преподавание корейского языка как иностранного [13, с. 242], а с 1960-х гг. – как родного. Корейцы, жившие в городах, не были охвачены уроками корейского языка. Информационное пространство корейского языка ограничивалось ареалами компактного проживания корейцев, т. е. корейскими колхозами.

Преобладание русского языка во всех сферах общественной жизни становилось всё очевиднее. Хорошее владение родным языком в ущерб знанию русского языка сузило перспективы получения образования и успешной карьеры. Ни у самих учащихся, ни у родителей не было мотивации к овладению корейским языком, и они сами отказывались от него [11, с. 173]. За пределами бытовой жизни в условиях полиэтни-

ческой среды корейский язык не был востребован, что лишало молодое поколение стимула к его изучению. В то же время наблюдалось стремление к овладению русским языком [7, с. 34]. Таким образом, русский язык для корейцев постепенно стал переходить в разряд основного. Как пишет Дё Юн Хи, «в тот период корейский язык становится пассивным компонентом культуры советских корейцев, что проявилось в сужении его социальных функций, сведении роли корейского языка к внутрисемейному языку, причем к языку, знание которого не является социально престижным» [6, с. 407, 408].

Как было отмечено, после отмены ограничений на передвижение по стране в 1953 г. началась миграция корейцев из республик Средней Азии в другие регионы Союза. Миграция из среднеазиатских республик шла преимущественно в крупные города Центральной России и Украины. Укажем причины данного направления внешней миграции корейцев:

– во-первых, общий уровень жизни в европейской части России был выше. К тому же в крупных городах, таких как Москва, Ленинград, Киев, имелось больше возможностей;

– во-вторых, сильным мотивационным фактором была экономическая заинтересованность. Например, на Украине, в центральных районах России и на Кавказе имелись плодородные земли. Это было важно для корейцев, занимавшихся *кобонди* (полулегальным арендным подрядом);

– в-третьих, корейцы старались получить образование в престижных вузах СССР, которые находились в городах центральной части страны. Также в крупных городах сосредоточивались научные и культурные центры.

В Средней Азии в середине 1950-х – начале 1960-х гг. стал меняться национальный состав корейских колхозов вследствие их укрупнения [13, с. 25, 130], доля представителей других этнических групп по сравнению с корейцами стала возрастать. Следствием этого стало то, что в сознании корейцев ощущение собственного «корейского» дома стало размываться по мере того, как корейские колхозы переставали быть для корейцев той «малой родиной», которая дорога и удерживает человека [24, с. 96].

Колхоз постепенно становился чужим, а город как место, где имелось больше возможностей для самореализации, становился всё более привлекательным. Это способствовало усилению миграции корейцев из колхозов в города.

Урбанизация формировала иную социокультурную среду, противоположную малой деревенской общине. В этой новой среде родственные связи и межличностные отношения в целом, характерные для традиционной общины, стали заменяться формальными, отчужденными отношениями, дающими индивиду новую степень свободы. Урбанизацию следует рассматривать как процесс, в ходе которого происходят многоуровневые, многоаспектные изменения не только социального или экономического плана, но прежде всего культурного [1, с. 44].

В условиях города происходило упрощение традиционной корейской обрядности. Стали исчезать важные маркеры этнокультурной идентичности – корейские традиции и обычаи. Так, если раньше свадьбы в колхозах проводили во дворах домов, то в городе их стали проводить в ресторанах. Для ведения свадебной программы на корейские свадьбы стали приглашать профессионального тамаду. Раньше в условиях

колхоза эта роль могла принадлежать кому-нибудь из старших родственников, отличающемуся красноречием и хорошо знающему все церемониальные процедуры проведения свадебного обряда. Что касается тамады в ресторанах, то в его обязанности входит лишь исполнение роли ведущего вечера, при этом ему даже не обязательно быть корейцем.

В условиях городской жизни стал меняться и похоронный обряд. Так, считалось, что гроб с телом покойного надо было выносить, переступив лишь один порог. В связи с этим гроб из одноэтажного дома в колхозе чаще выносили через окно. В городе в многоэтажном жилом доме это было сделать невозможно [26, с. 77].

С середины 1960-х гг. происходит бурное развитие экономической и культурной жизни советских корейцев. Представители диаспоры трудились в различных сферах общественно-политической жизни. К концу советской эпохи среди них были крупные политики и члены правительства, ученые с различными степенями и званиями, руководители учебных и научных подразделений, крупных промышленных, финансовых и сельскохозяйственных государственных и частных предприятий, известные спортсмены.

Переломным событием «среднеазиатского» периода истории корейской диаспоры стал распад СССР и появление на постсоветском пространстве пятнадцати независимых государств. Основным итогом «среднеазиатского» периода развития корейцев СНГ – определенный возврат их к своим культурно-историческим корням и установление связи с исторической Родиной.

Горбачевская перестройка пробудила у народов Союза большой интерес к свое-

му прошлому и своей национальной культуре. Возникает понятие «возрождение»: культуры, языка, традиций и истории советских народов. По всей стране создавались различные национальные движения. Это коснулось и советских корейцев. Однако идеям возрождения традиционной культуры советских корейцев не суждено было осуществиться. Примерно к середине 1990-х гг. все воодушевление практически сошло на нет. В чем были причины?

Во-первых, корейцы СНГ оказались просто к этому не готовы. За долгие годы проживания сначала на территории Приморья, затем в Средней Азии их этнокультурный облик подвергся таким сильным изменениям, что культура Кореи стала для них чужда и непонятна. И любые попытки навязать инородные культурные модели поведения в сформировавшуюся поликультурную среду корейцев СНГ просто не могли иметь успеха.

Во-вторых, со стороны корейских общественных организаций не было предложено ни одной внятной программы действий по возрождению национальной культуры. Единственное, что было сделано, так это созданы курсы по изучению корейского языка. Но они не оказали существенного эффекта на изменение языковой ситуации корейцев СНГ. Многие из тех, кто проходил эти курсы, не имели возможности использовать свои языковые навыки на практике.

Новый этап в жизни корейцев СНГ можно назвать «евразийским». Сегодня происходит окончательное формирование евразийской идентичности корейцев, расселившихся фактически по всему постсоветскому пространству. Современный мир характеризуется возрастающими движениями информационных, экономических, че-

ловеческих потоков. И корейская диаспора СНГ активно начинает входить в эти процессы.

В последние годы динамично развивается трудовая миграция корейцев СНГ в Республику Корея и другие страны мира. Происходит сближение культуры корейской диаспоры с культурой Республики Корея. Однако открытие границ и процесс сближения корейцев СНГ с корейцами исторической Родины выявило проблему ментальных различий представителей двух этнокультурных образований. Евразийская идентичность корейцев СНГ вступила в конфликт с культурой корейцев полуострова. Корейцы СНГ воспринимают южнокорейцев или северо-корейцев больше как иностранцев, нежели как своих братьев.

В связи с ростом контактов с корейцами Южной Кореи вопрос о возрождении корейских традиций снова дает о себе знать, правда, теперь уже в соответствии с образцами южнокорейской культуры. Однако сегодня решение этого вопроса является трудновыполнимой задачей.

Во-первых, возрождение корейских традиций и обычаев на повседневном уровне уже не имеет практической необходимости. А в условиях современного города традиционная этика является избыточной и неэффективной моделью поведения. В повседневную жизнь корейцев СНГ входят, например, традиционные южнокорейские предметы быта (национальные корейские палочки, веера, корейская традиционная одежда и т.д.), но они не оказывают большого влияния на их поведение.

Во-вторых, национальные традиции и обычаи корейцев СНГ берут свое начало от деревенской культуры северных провинций Кореи XIX века и имеют отличия от традиций и обычаев Южной Кореи. Да и сама

культура южнокорейцев во многом сильно видоизменилась вследствие влияния западной культуры. Так, например, погребальная обрядность в Южной Корее имеет значительные расхождения с практикой корейцев СНГ, хотя считается, что именно в ней наиболее устойчиво сохранились традиционные элементы ритуала, их атрибутика и семантика.

Отличен и характер взаимоотношений между людьми. В Южной Корее везде присутствует дух корпоративности, совершенно неизвестный корейцам СНГ. Регламентированные конфуцианской этикой отношения между родителями и детьми, мужчинами и женщинами, старшими и младшими, мужем и женой в южнокорейском обществе отличны от системы отношений внутри корейских общин стран СНГ [14].

Некоторыми учеными высказывались конкретные предложения по решению вопроса возрождения традиционной обрядности. Так, Г.Н. Ли рекомендовал при праздновании, например, Нового года по лунному календарю «ежедневно готовить новые блюда в течение 15 дней первого месяца», при опоздании на собрание «извиниться за опоздание и поясным поклоном приветствовать всех собравшихся, получая от присутствующих еле заметные поклоны или одобрительные взгляды» [18, с. 162, 188, 199]. Но данная модель поведения чужда корейцам СНГ, а значит, внедрение традиций и обычаев южнокорейцев на уровне их повседневной практики нереально.

В последние годы в Республике Корея на правительственном уровне активно говорят о создании международного корейского сообщества (Global Korean Community). Вследствие своей изолированности и экономических проблем Северная Корея в этом процессе участвовать пока не смо-

жет. Следовательно, именно на Республику Корея будут возложены функции по объединению зарубежных корейских общин в единое культурное сообщество. Однако для зарубежных корейцев (в том числе для корейцев СНГ) важным является вопрос о том, на каких принципах будут строиться взаимоотношения корейских зарубежных диаспор и, условно говоря, культурно-исторического центра в Республике Корея.

Как мне кажется, приоритетным здесь должен быть принцип «единства в многообразии», о чем еще десять лет назад писал известный ученый-кореевед В.С. Хан. По его мнению, попытка унификации корейцев всего мира в соответствии со стандартами некоей единой корейской идентичности представляется малопродуктивной [23, с. 54].

Действительно, за сто пятьдесят лет своей истории корейская диаспора СНГ сформировала свою уникальную евразийскую идентичность, вобравшую в себя элементы культур Востока и Запада. Корейцы СНГ обладают уникальным опытом успешного проживания в полиэтнической среде. Исходя из общей длительной истории развития в единой стране и нынешнего развития в едином русскоязычном пространстве Содружества Независимых Государств, они могут по праву называть себя «евразийскими корейцами».

У евразийских корейцев есть свои особые культурные маркеры – русский язык, общая культура (не утраченные до конца корейские традиции с примесью русских и местных региональных традиций), отличный внешний облик, корейские фамилии и русские имена и отчества, но самое главное – общая историческая память. Всё это способно сохранить и укрепить общую евразийскую идентичность корейцев СНГ.

Слепое подражание современной культуре Южной Кореи было бы губительным для культуры евразийских корейцев. Да оно и невозможно, учитывая современный опыт проживания евразийских корейцев в Республике Корея, где они особенно чувствуют огромную разницу в культуре с южнокорейцами.

Также невозможен и возврат к «исходной точке». Нельзя реставрировать первоначальную модель традиционной обрядности корейцев, какой она была, например, накануне переселения первых корейцев в Россию во второй половине XIX века. Культура корейцев уже слишком сильно трансформировалась в процессе жизнедеятельности на пространстве СНГ. Маловероятным представляется и растворение корейской диаспоры в иноэтнической среде стран СНГ.

Евразийская идентичность подразумевает преобладание в этнокультурной идентичности наднационального фактора над национальным. В случае с корейцами СНГ национальный фактор не является краеугольным камнем их жизнедеятельности, что, например, отражается в их общественно-политической деятельности. Они не ставят во главу угла создание национальных районов или иных национально-территориальных образований (хотя до депортации 1937 г. таким на территории Приморского края де-факто был Посетский район). Преобладание наднациональной идентичности над национальным сознанием доказывается безуспешными попытками корейцев СНГ вернуться к своим традициям и обычаям (особенно в период перестройки) вследствие общей невостребованности такого возврата самими корейцами СНГ. Более того, как было отмечено, при общении, например,

с южнокорейцами корейцы СНГ чувствуют, насколько сильно они стали другими.

Во времена Советского Союза корейцы называли себя советскими, что в полной мере отражало их ментальную сущность. В понятии «советский человек» отражалась прежде всего принадлежность к советскому обществу, а уже потом к своей нации. Это относилось ко всем народам, жившим в Союзе. Однако незадолго до распада СССР национальный вопрос вдруг остро встал на повестку дня; оказалось, что в подавляющем большинстве народы Союза не забыли о своих национальных корнях, а национальный фактор в культуре многих народов стал преобладать. Прежде всего это проявилось в «параде суверенитетов», ставшем итогом существования всего государства. Но, кроме того, это проявилось и в открытых межэтнических столкновениях в различных регионах страны.

Как было отмечено, в тот период и корейцы пытались поднять вопрос о возрождении своей национальной культуры, однако эти попытки оказались тщетны. Корейцы к моменту распада СССР уже успели сформировать свою советскую идентичность, не позволившую им «опуститься» до уровня межнациональных конфликтов и даже небольших противоречий с другими народами на национальной почве.

После распада Союза корейцы тотчас стали российскими, казахстанскими, узбекскими и т. п. корейцами. Однако новая идентичность не могла в полной мере удовлетворить их историко-культурных запросов, особенно это касалось корейцев, оказавшихся за пределами Российской Федерации. Национальная политика бывших республик СССР не соответствовала тем культурным маркерам, которыми обладали корейцы. Как было отмечено, основным

языком общения для корейцев СНГ был и есть русский язык. В этой связи проводимая во многих республиках политика по навязыванию национальных языков и вытеснению русского языка из многих сфер общественной жизни не могла не привести к культурным противоречиям между титульной культурой этих республик и культурой корейских диаспор.

Казалось бы, в России для корейцев культурная среда оказалась наиболее благоприятной. Но и здесь проблема национализма привела к тому, что они нередко оказывались объектом как пассивной агрессии со стороны общества в целом (бытовые конфликты в транспорте или в общественных местах), так и активной агрессии со стороны националистических организаций. В этой связи негативную роль сыграла их внешность, не похожая на внешность титульного большинства.

Таким образом, сегодня именно евразийская идентичность становится той естественной концепцией, которая способна отразить культурные особенности всех корейцев, населяющих страны СНГ. Корейцы являются носителями смешанной идентичности, и в этом соединении разных культур в теле одного народа можно увидеть уникальный опыт формирования евразийской надкультурной, наднациональной идентичности.

С момента переселения в Российскую империю развитие культуры корейцев пошло по особому пути, хоть и в общей канве развития населяющих ее народов. Сегодня корейцы СНГ – евразийские корейцы – должны прежде всего почувствовать свое культурно-историческое единство как единого сообщества. Вместе с тем они уже стали гармоничной частью создаваемого единого евразийского пространства.

Литература

1. Ахизеф А.С., Коган Л.Б., Яницкий О.Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. – 1969. – № 2. – С. 43–53.
2. Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Кн. 1 / сост. Ли У Хе, Ким Ен Ун. – М.: Интерпракс, 1992. – 204 с.
3. Бэ Ын Гиенг. Демографическая характеристика корейского населения Дальнего Востока (20–30-е годы) // 1937 год. Российские корейцы: Приморье – Центральная Азия – Сталинград (Депортация): материалы научной конференции «60 лет депортации корейцев России с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию», август–сентябрь 1997. – М., 2004. – С. 190–198.
4. Вагин В.И. Корейцы на Амуре // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. – СПб., 1875. – Т. 1., вып. 2. – С. 1–29.
5. Волкова Т.В. Российские корейцы: к вопросу о самоидентификации // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 4. – С. 27–42.
6. Дё Юн Хи. К истории современной языковой ситуации корейцев Узбекистана (1860–1960 гг.) // Узбекистан – Корея: научное и культурное сотрудничество: тезисы докладов международной конференции. – Ташкент, 2000. – С. 404–408.
7. Ионова Ю.В. У корейцев Средней Азии // Краткие сообщения Института этнографии. – М., 1963. – Вып. 38. – С. 23–34.
8. Ким Б.И. Ветры наших судеб: советские корейцы: история и современность. – Ташкент: Узбекистон, 1991. – 183 с.
9. Ким В.Д. Корейцы Узбекистана в истории Дальнего Востока и на современном этапе // Проблемы корееведения в Центральной Азии. – Ташкент, 2007. – № 1. – С. 13–22.
10. Ким Г.Н. История иммиграции корейцев. Кн. 1. Вторая половина XIX в. – 1945 г. – Алматы: Дайк-пресс, 1999. – 424 с.
11. Ким Г.Н. История просвещения корейцев России и Казахстана. Вторая половина XIX в. – 2000 г. – Алматы: Издательство КазГУ им. Аль-Фараби, 2000. – 369 с.
12. Ким Г.Н. Традиции и инновации в антропонимии корейцев Казахстана [Электронный ресурс]. – URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/t56.shtml (дата обращения: 13.02.2017).
13. Ким Г.Н., Мен Д.В. История и культура корейцев Казахстана. – Алматы: Гылым, 1995. – 346 с.
14. Ким Г.Н., Хан В.С. Актуальные проблемы и перспективы корейской диаспоры Центральной Азии [Электронный ресурс]. – URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/problemsrtf.shtml (дата обращения: 13.02.2017).
15. Ким П.Г. Корейцы Республики Узбекистан: история и современность. – Ташкент: Узбекистон, 1993. – 176 с.
16. Ли В.Ф. Корейская эмиграция в России и революционном движении 20-х годов // Актуальные проблемы российского востоковедения. – М.: Бином, 1994. – С. 231–283.
17. Ланьков А.Н. Быть корейцем. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 542 с.
18. Ли Г.Н. Корейцы в Кыргызстане: история в лицах, обряды, обычаи и статьи. – Бишкек: Кахак, 1998. – 298 с.
19. Материалы полевых исследований автора. Интервью 09.06.2009 г.
20. Джарылгасинова Р.Ш. Основные тенденции этнических процессов корейцев Средней Азии и Казахстана // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1980. – С. 43–73.
21. Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи (Дальневосточный период). – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 261 с.
22. Современные этнические процессы в СССР / под ред. Ю.В. Бромлея. – М.: Наука, 1977. – 562 с.
23. Хан В.С. Какие традиции мы возрождаем в поисках своей идентичности? // Десять лет спустя. – Ташкент; Сеул: Ассоциация корейских культурных центров Республики Узбекистан, 2001. – С. 49–56.
24. Хан В.С. О причинах возникновения кобонди как формы предпринимательской

деятельности советских корейцев // Ариран 1937. – Ташкент, 2008. – Вып. 1. – С. 93–100.

25. Хан Ю.А. Конфуцианство в современной системе ценностей корейцев // Известия

корееведения в Центральной Азии. – 2008. – № 7 (15). – С. 318–328.

26. Цой Е.Г., Ян В.С. Истоки наши. – Алматы: Sansam, 2002. – 136 с.

KOREANS OF CIS: FROM COMMON HISTORY TO UNIFIED ETHNOCULTURAL COMMUNITY OF EURASIAN KOREANS

M.D. Ten

Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russia

ten-md@mail.ru

The history of Koreans living in CIS countries shows the unity of regular processes of transformation of their culture in different periods of residence in the Russian Empire, the Soviet Union and today the CIS. The author distinguishes three main stages of the history of CIS Koreans, in accordance with the main areas of their residence in different historical periods. The current stage is characterized by the final formation of the Eurasian community of Koreans, scattered all over the CIS space. At the same time they preserve the unified cultural markers, as well as common historical memory. Eurasian identity implies prevalence of supranational factor over the national one in ethno-cultural identity. In the case with the CIS Koreans the national factor isn't the cornerstone of their life activities, that is reflected, for example, in their position not to insist on the forming of national regions or creating other territories on the national basis. The article deals with the process of transforming the culture of CIS Koreans, the impact of important historical events on the loss of elements of their traditional culture. Today, in the context of the Eurasian reintegration processes in the post-Soviet space the developing a new concept of a supranational identity is becoming urgent. This concept would be able to fully reflect the current processes. CIS Koreans are an example of the formation of the Eurasian identity.

Keywords: Koreans of CIS, Eurasian identity, Diaspora's history, transformation of culture, language.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-1.2-35-50

References

1. Akhiezer A.S., Kogan L.B., Yanitskii O.N. Urbanizatsiya, obshchestvo i nauchno-tekhnicheskaya revolyutsiya [Urbanization, society and the scientific and technological revolution]. *Voprosy filosofii – Russian Studies in Philosophy*, 1969, no. 2, pp. 43–53. (In Russian)

2. Lee U Khe, Kim Yen Un, comp. *Belaya kniga o deportatsii koreiskogo naseleniya Rossii v 30–40-ke godakh. Kn. 1* [The White Book about deportations of Korean population in Russia in 30–40th. Bk. 1]. Moscow, Interprax Publ., 1992. 204 p.

3. Be Yn Gieng. [Demographic characteristics of the Korean population in the Far East (1920–30s)]. 1937 god. Rossiiskie koreitsy: Primor'e – Tsentral'naya Aziya – Stalingrad (Deportatsiya): materialy nauchnoi konferentsii "60 let deportatsii koreitsev Rossii s Dal'nego Vostoka v Kazakhstan i Srednyuyu Aziyu" [1937 year: Koreans of Russia: Primorye – Central Asia – Stalingrad (Deportation): proceedings of scientific conference "60 anniversary of the deportation of Koreans from the Far East of Russia to Kazakhstan and Central Asia"], Moscow, August–September 1997. Moscow, 2004, pp. 190–198. (In Russian)

4. Vagin V.I. Koreitsy na Amure [Koreans on Amur]. *Sbornik istoriko-statisticheskikh svedenii o Sibiri i sopredel'nykh ei stranakh* [Collection of historical and statistical data on Siberia and neighboring countries]. St. Petersburg, 1875, vol. 1, iss. 2, pp. 1–29.
5. Volkova T.V. Rossiiskie koreitsy: k voprosu o samoidentifikatsii [Russia's Koreans: the issue of self-identification]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*, 2004, no. 4, pp. 27–42.
6. De Yun Khi. [On the history of modern Korean language situation in Uzbekistan (1860–1960)]. *Uzbekistan – Koreya: nauchnoe i kul'turnoe sotrudnichestvo: tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii* [Uzbekistan – Korea: scientific and cultural cooperation: abstracts of the international conference]. Tashkent, 2000, pp. 404–408. (In Russian)
7. Ionova Yu.V. U koreitsev Srednei Azii [Visiting Koreans of Middle Asia]. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii* [Brief reports of Institute of ethnography]. Moscow, 1963, no. 38, pp. 23–34.
8. Kim B.I. *Vetry nashikh sudeb: sovetskie koreitsy: istoriya i sovremennost'* [Winds of our destinies: Soviet Koreans: history and modernity]. Tashkent, Uzbekiston Publ., 1991. 183 p.
9. Kim V.D. Koreitsy Uzbekistana v istorii Dal'nego Vostoka i na sovremennom etape [Koreans of Uzbekistan in the history of the Far East and at the present stage]. *Problemy koreevedeniya v Tsentral'noi Azii* [Issues of Korean studies in Central Asia]. Tashkent, 2007, no. 1, pp. 13–22.
10. Kim G.N. *Istoriya immigratsii koreitsev*. Kn. 1. *Vtoraya polovina XIX v. – 1945 g.* [History of korean immigration. Bk. 1. The second half of the XIX century – 1945]. Almaty, Daik-press Publ., 1999. 424 p.
11. Kim G.N. *Istoriya prosveshcheniya koreitsev Rossii i Kazakhstana. Vtoraya polovina XIX v. – 2000 g.* [The history of Korean education in Russia and Kazakhstan. The second half of the XIX century – 2000]. Almaty, KazGU Publ., 2000. 369 p.
12. Kim G.N. *Traditsii i innovatsii v antroponimii koreitsev Kazakhstana* [Tradition and innovation in antroponymy Koreans in Kazakhstan]. Available at: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/t56.shtml (accessed 13.02.2017)
13. Kim G.N., Men D.V. *Istoriya i kul'tura koreitsev Kazakhstana* [The history and culture of Koreans in Kazakhstan]. Almaty, Gylym Publ., 1995. 346 p.
14. Kim G.N., Khan V.S. *Aktual'nye problemy i perspektivy koreiskoi diaspory Tsentral'noi Azii* [Actual problems and prospects of the Korean diaspora in Central Asia]. Available at: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/problemsrtf.shtml (accessed 13.02.2017)
15. Kim P.G. *Koreitsy Respubliki Uzbekistan: istoriya i sovremennost'* [Koreans of Uzbekistan: history and modernity]. Tashkent, Uzbekiston Publ., 1993. 176 p.
16. Li V.F. Koreiskaya emigratsiya v Rossii i revolyutsionnom dvizhenii 20-kh godov [Korean emigration to Russia and the revolutionary movement of the 1920s]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo vostokovedeniya* [Actual problems of Russian oriental studies]. Moscow, Binom Publ., 1994, pp. 231–283.
17. Lan'kov A.N. *Byt' koreitsev* [Being Korean]. Moscow, AST Publ., East-West Publ., 2006. 542 p.
18. Li G.N. *Koreitsy v Kyrgyzstane: istoriya v litsakh, obryady, obychai i stat'i* [Koreans in Kyrgyzstan: history in the faces, rituals, customs, and articles]. Bishkek, Kahak Publ., 1998. 298 p.
19. Materialy polevykh issledovaniy avtora. Interv'yu 09.06.2009 g. [Materials of field research of the author. Interview 09.06.2009].
20. Dzharylgasimova R.Sh. Osnovnye tendentsii etnicheskikh protsessov koreitsev Srednei Azii i Kazakhstana [Major trends of processes of ethnic Koreans in Central Asia and Kazakhstan]. *Etnicheskie protsessy u natsional'nykh grupp Srednei Azii i Kazakhstana* [Ethnic Processes among ethnic groups in Central Asia and Kazakhstan]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 43–73.
21. Pak B.D. *Koreitsy v Rossiiskoi imperii (Dal'nevostochnyi period)* [Koreans of the Russian Empire (Far Eastern period)]. Moscow, MSU Publ., 1993. 261 p.
22. Bromley Yu.V., ed. *Sovremennye etnicheskie protsessy v SSSR* [Modern ethnic processes in the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 562 p.

23. Khan V.S. Kakie traditsii my vozrozhdaem v poiskakh svoei identichnosti? [What traditions we revive in search of our identity?]. *Desyat' let spustya* [Ten years later]. Tashkent, Seoul, AKKCU Publ., 2001, pp. 49–56.

24. Khan V.S. O prichinakh vznikoveniya kobondi kak formy predprinimatel'skoi deyatelnosti sovetskikh koreitsev [About the causes of kobondi as a form of entrepreneurial activity of the Soviet

Koreans]. *Ariran 1937* [Arirang 1937]. Tashkent, 2008, iss. 1, pp. 93–100.

25. Khan Yu.A. Konfutsianstvo v sovremennoi sisteme tsennostei koreitsev [Confucianism in the modern system of values of Koreans]. *Izvestiya koreevedeniya v Tsentral'noi Azii – Newsletter of Korean Studies*, 2008, no. 7 (15), pp. 318–328.

26. Tsoi E.G., Yan V.S. *Istoki nashi* [Our origins]. Almaty, Sansam Publ., 2002. 136 p.